

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН (Москва)

«АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА»: УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ОМСКОГО ПЕРЕВОРОТА 18 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

В статье на основе анализа широкого спектра источников, в том числе неопубликованных, рассмотрена роль представителей Военной академии в приходе к власти на востоке России адмирала А. В. Колчака. До сих пор проблема вовлечения группы офицеров, представлявших административный и преподавательский состав академии, а также ее слушателей в заговор и переворот в Омске 18 ноября 1918 г. не рассматривалась специально с учетом борьбы различных военно-политических группировок внутри антибольшевистского лагеря. Между тем их действия отличались организованностью и осуществлялись по указаниям начальника академии — генерала А. И. Андогского, что позволяет говорить об «академической группировке» как о едином целом.

Ключевые слова: А. В. Колчак, Военная академия, офицерский корпус, переворот в Омске.

Деятельности Верховного правителя адмирала А. В. Колчака посвящены десятки книг и сотни статей, однако ключевое событие его прихода к власти — омский переворот 18 ноября 1918 г. — по-прежнему остается не изученным до конца. Прежде всего, это касается механизма возникновения и подготовки заговора, роли в нем военных группировок, о чем в работах многих исследователей содержатся в основном только общие фразы или глухие упоминания о «встречах с военными»¹. Между тем у участвовавших в подготовке переворота были имена и строго определенные функции, а источники позволяют реконструировать эти события более подробно.

¹ Краснов В. Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М., 2000. Кн. 1. С. 419–430; кн. 2. С. 3–24; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 115–118; Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М., 2004. С. 360–368; Он же. Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот. М., 2009. Ч. 2. С. 27–29; Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 406–414; Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. С. 265–276.

События омского переворота осветил Г.З. Иоффе, хотя допустил ряд неточностей². Позднее попытку детального исследования механизмов заговора и переворота предпринял британский историк Дж. Смиль³, но он не обладал достаточно полной источниковой базой для реконструкции деталей. В том же ключе следует рассматривать работу С.П. Петрова — сына колчаковского генерала⁴. Акцент на роли сибирского казачества сделал В.А. Шулдяков⁵. Существенно больше подробностей содержат исследования В.И. Шишкина⁶. Отметим, что именно В.И. Шишкин опубликовал важнейший источник по данному вопросу — письмо полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 года⁷. В этом документе, ранее использовавшемся и Г.З. Иоффе, детали излагались в целях поощрения упомянутых участников, а сама история переворота, изложенная в письме, представляется непреднамеренной и, следовательно, не искаженной информацией. В ходе подготовки монографического исследования о последнем периоде истории Николаевской военной академии ряд ранее неизвестных свидетельств об участии представителей этого военно-учебного заведения в омских событиях был выявлен автором этих строк⁸.

Борьба военно-политических группировок как неотъемлемая составляющая истории антибольшевистского лагеря на востоке России еще ждет своего исследователя. Ключевым фактором, пре-

² Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 124–146.

³ Smele J.D. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 90–107.

⁴ Петров С.П. Упущенные возможности. Гражданская война в восточноевропейской части России и в Сибири 1918–1920 гг. М., 2006. С. 142–151.

⁵ Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. С. 206–274.

⁶ Шишкин В.И. Военный и морской министр Временного Всероссийского правительства А.В. Колчак // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 54–65; Он же. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября — 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах (Кемерово). 2008. Вып. 1. С. 773–824, 1445–1453; Он же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.

⁷ Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1989. Серия: История, филология и философия. Вып. 1. С. 59–63; В связи с отсутствием точного шифра этого документа (в Советское время исследователи ссылались на коллекцию Центрального государственного архива Октябрьской революции без более конкретных данных) установить его местонахождение в фондах Государственного архива Российской Федерации и ознакомиться с ним в подлиннике не представляется возможным.

⁸ Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. 768 с.

допределившим конфликты и столкновения интересов разных групп офицерства, являлась неоднородность военного руководства антибольшевистским движением. Одна часть военной элиты антибольшевистских сил востока России летом — осенью 1918 г. служила в Сибирской армии, другая — в Народной армии Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Особняком стояли казачьи деятели и союзные офицеры. Противоречия усугублялись различными представлениями по широкому спектру военно-политических вопросов, включая отношение к чехословакам, к социалистам-революционерам, к перебежчикам от красных и даже к персональным назначениям во главе войск, вызывавшим личные обиды и соперничество высокопоставленных военных⁹.

Самостоятельную группировку составляли представители оказавшейся на востоке России Всероссийской академии Генерального штаба во главе с начальником академии генерал-майором А. И. Андогским. Вклад академии, ее преподавательского состава, выпускников и слушателей второй и особенно третьей очередей ускоренных курсов (курсовиков) в подготовку заговора и переворота в Омске, причины их вовлечения в политическую борьбу до сих пор должным образом не оценены. Между тем по ряду свидетельств именно эта группа офицеров сыграла ключевую роль в омском перевороте. Попробуем реконструировать события, акцентируя внимание на действиях представителей академии.

Еще в период Государственного совещания в Уфе в сентябре 1918 г., когда обсуждался вопрос объединения Народной и Сибирской армий, претенденты на лидерство в военном ведомстве заметно активизировали свои усилия. По итогам совещания было создано Временное Всероссийское правительство (Директория), вооруженные силы Народной и Сибирской армий объединялись. Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (реально — антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России) стал генерал-лейтенант

⁹ Этот фактор не следует недооценивать — трения в офицерской среде ощущались весьма болезненно, причем важны были даже мелочи. Например, генерал С. Н. Розанов на параде в Челябинске (по всей видимости, это произошло летом–осенью 1918 г.) лишь кивнул генералу А. И. Андогскому вместо приветствия, что было расценено как проявление неуважения и послужило основанием для далеко идущих выводов. Однако через полгода Розанов обращался к Андогскому не иначе, как «Дорогой Александр Иванович!» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 25. Л. 8). Исключение из академии профессора, генерала А. Ф. Матковского за дисциплинарный проступок летом 1918 г. сделало его непримиримым врагом академического руководства на протяжении 1918–1919 гг.

В.Г. Болдырев при начальнике штаба генерал-лейтенанте С. Н. Розанове. Болдырев был профессором академии, прекрасно понимал значение этого высшего военно-учебного заведения и хорошо знал его профессорско-преподавательский состав. Неудивительно, что уже в конце сентября 1918 г. преподаватели академии получили приглашения поступить на службу в его Ставку¹⁰.

Курсовик К.В. Семчевский позднее вспоминал о назначениях преподавателей академии на должности в высших штабах: «После „уфимских“ выборов Директория прибыла в Омск, привезла с собой „самарский“ штаб, состоявший почти исключительно из профессоров академии и слушателей, эвакуировавшихся из Екатеринбурга в Казань, и сделала этот штаб „Ставкой“ Верховного главнокомандования. Началась глухая борьба между „Ставкой“ и штабом Сиб[ирской] армии, фактически имевшим все нити управления войсками и всем тылом <...> „Ставка“, переняв постепенно управление от штаба Сиб[ирской] армии, решила ликвидировать штаб Сиб[ирской] армии, а нас, как свидетелей их странного поведения в Екатеринбурге¹¹, „обезвредить“, послав нас куда-нибудь на самые захолустные должности»¹². Возможно, здесь есть доля преувеличения.

О масштабном привлечении личного состава академии к формированию Ставки в Уфе свидетельствовал и полковник К. Я. Гоппер. Он отмечал, что Ставка, «правильнее говоря, приехала в почти готовом виде с большим по числу наличным составом, чем требовалось обстоятельствами. Это была академия Генерального штаба <...> Главные роли в Ставке были распределены между профессорами полковниками Слижиковым, Леоновым, Сыромятниковым и Касаткиным¹³, остальные должности — между курсовыми офицерами, причем генеральские должности замещались сравнительно молодыми капитанами. Так как Ставка этого состава сыграла видную роль в последовавших событиях, то крайне интересно было бы выяснить все обстоятельства, почему было допущено формирование Ставки из состава академии, все это время остававшейся на службе у большевиков <...> Мне кажется, что здесь большая ошибка была сделана генералом Болдыревым, нарушившим одно из основных правил стратегии о формировании шта-

¹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 136.

¹¹ По всей видимости, речь идет об осторожном поведении преподавательского состава академии в Екатеринбурге в июле 1918 г.

¹² Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция К. В. Семчевского. Вох 1. Folder 28. Л. 8–9.

¹³ Мемуарист не точен, профессорами они не были.

ба главнокомандующего. Главнокомандующий должен выбрать себе ближайшим помощником своего начальника штаба — чело- века одного с ним образа мыслей, на которого может положиться, как на самого себя, даже во всех мелочах. Насколько мне потом удалось выяснить, генерал Болдырев и его начальник штаба генерал Розанов — люди совершенно различных убеждений и взглядов <...> Слишком занятый делами, как член Директории, ген[ерал] Болдырев целиком предоставил формирование Ставки генералу Розанову. По моим наблюдениям, генерал Розанов в свою очередь совершил ту же ошибку, набирая своих ближайших помощников. Розанов производит впечатление храброго, доверчивого вояки, немножко грубоватого, но неспособного одевать маски дипломатов и политиков, и как таковой он, я полагаю, не мог быть одного лагеря с теми тонкими и хитрыми политиками, к каким я отношу Слижикова, Леонова и Сыромятникова <...> Упомянутые <...> его ближайшие помощники, по всем моим наблюдениям, умели вести только закулисную борьбу, если только можно выразить этим словом их поведение и действия, так как никогда с достоверностью нельзя сказать, за кого и против кого они борются.

Весь остальной состав Ставки — кадровые офицеры академии — составляли, по крайней мере в первое время, очень сплоченную и по-воински дисциплинированную массу, что они доказывали всем своим поведением, и все они в один голос с восторгом, даже с некоторым преклонением отзывались о начальнике академии генерале Андогском. Надо отдать справедливость, что генерал Андогский действительно проявил выдающийся педагогический талант, сумев так сплотить и повлиять на достаточно уже поживших людей. С этой стороны, как видно, Ставка представляла из себя порядочный плюс, но весь вопрос, стало быть, заключался в том, куда будет направлена деятельность Ставки ее ближайшими руководителями. Физиономии этих руководителей оставались загадкой, и загадкой довольно подозрительной»¹⁴.

Ответил на вопрос Гоппера относительно мотивов своих кадровых решений сам Болдырев, который писал: «Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями, брать людей из их состава — это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

¹⁴ Гоппер К.Я. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, [б. г.] С. 82–84.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом, из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было „но“ — академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась „большевистской“¹⁵.

На октябрь 1918 г. представители эвакуированной в Томск академии действительно заняли руководящие посты в Ставке. Временно исполняющим должность помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего стал полковник А. П. Слижиков, временно исполняющим должность 1-го генерал-квартирмейстера — полковник А. Д. Сыромятников, временно исполняющим должность 2-го — полковник Г. В. Леонов¹⁶. Такая ситуация не устраивала командование Сибирской армии, поскольку сибирские генералы сами претендовали на лидерство и признание своего стажа борьбы с большевиками. Ветеранов антибольшевистского движения возмущало и то, что ключевые должности в Ставке получили недавние военспецы РККА.

Начальник академии Андогский обладал выраженным вкусом к закулисным политическим играм. Он и другие представители академии вынашивали далеко идущие планы борьбы за власть и влияние в военных кругах. Свои люди в лице преподавателей и слушателей, разбросанных по различным штабам, оказались у Андогского буквально во всех значимых военных структурах антибольшевистского лагеря на востоке России. По существу это была разветвленная агентурная сеть. Благодаря этому начальник академии был неплохо информирован о событиях и использовал соратников в своих интересах.

Так, осенью 1918 г. слушатели академии оказались вовлечены в конфликт между Андогским и начальником штаба Сибирской армии генерал-майором П. А. Беловым (Г. А. Виттекопфом), которого они в октябре 1918 г. обвинили в шпионаже в пользу Германии и в сотрудничестве с большевиками¹⁷. В результате Белов был отстранен. Интригу удалось реализовать силами начальника академии и выпускников ускоренных курсов — штабс-капитана А. А. Бурова, капитанов И. А. Бафталовского, Е. И. Гриневского и К. В. Семчевского¹⁸. По крайней мере, первые трое курсовиков

¹⁵ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 58.

¹⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 26.

¹⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2 об.

¹⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 260–263.

затем приняли активное участие в омском перевороте. По оценке В. И. Шишкина, отстранение Белова стало аппаратным поражением главнокомандующего В. Г. Болдырева, ослабило его власть на фоне нараставшей активности оппонентов в военном ведомстве¹⁹.

Справедливо свидетельство генерала С. А. Шепихина, который отметил, что «его (Андогского. — А. Г.) агенты (это профессора, в большинстве сочувствовавшие бывшему своему начальнику академии) и летучие разведывательные ячейки (бывшие слушатели академии) проникли не только в Ставку, но и на фронт»²⁰. Эта схема работала и в период подготовки омского переворота, и позднее в конфликте между Андогским и генералом Д. А. Лебедевым.

26 октября Андогский был вызван в Ставку временно исполнявшим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего А. П. Слижиковым якобы для разрешения академических вопросов на месте²¹ и 30 октября уехал в Омск²², где ожидалась серьезные перемены.

В Омске Андогский включился в закулисную борьбу, причем, насколько можно судить, чувствовал себя в такой обстановке вполне комфортно. По воспоминаниям осведомленного очевидца капитана И. С. Ильина, «Омск того времени, т. е. недолгого пребывания Директории у власти, представлял собой какой-то взбудораженный муравейник. Политические кружки, совещания, какая-то хлопотливая жизнь, в которой чувствовалось что-то ненормальное, но настоящее <...> „Да ведь это Мексика какая-то!“ — говорил всегда спокойный, сдержанный Андогский. — „Из этого ничего не выйдет!“ <...> Не видел ничего и ни о чем не думал Розанов, время которого проходило между Ставкой и рестораном гостиницы „Россия“. И Андогский, и Сыромятников с нескрываемой иронией отзывались о наштаверхе. „Да ему кроме кабака с девками ничего не надо“, — говорил Сыромятников»²³. Сложно сказать, насколько справедливы подобные обвинения.

Одним из организаторов омского переворота был известный своими интригами 28-летний министр финансов омско-

¹⁹ Шишкин В. И. Адмирал А. В. Колчак: на пути к военной диктатуре... С. 806; Он же. 1918 год: от Директории к военной диктатуре... С. 53.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

²¹ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 248.

²³ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 209.

го правительства И. А. Михайлов, покровительствовавший академии²⁴. За причастность к политическим убийствам недоброжелатели прозвали его «Ванька-Каин». Тем не менее влияние этого человека, сохранившего министерский портфель в трех разных правительствах на востоке России в течение 1918–1919 гг., трудно переоценить²⁵. Как отмечал осведомленный свидетель тех событий, будущий министр иностранных дел колчаковского правительства И. И. Сукин, «Михайлов сам погрузился в атмосферу военных интриг и незаметно для себя попал в круг тех личных, карьерных и тщеславных стремлений, которыми была окрашена почти вся среда Генерального штаба в Омске»²⁶. И действительно, в документах Конференции (коллегиального руководящего органа) академии имеются прямые указания на то, что Михайлова академическое начальство считало своим доброжелателем и обращалось к нему за содействием осенью 1918 года²⁷. Дружеские отношения с Михайловым поддерживал и сам Андогский²⁸.

Служившие в Ставке представители академии, как и державшийся в тени ее начальник, играли важную роль в перевороте. Временно исполнявший должность 1-го генерал-квартирмейстера полковник А. Д. Сыромятников заранее знал о подготовке переворота и активно в нем участвовал, организуя военную составляющую и обеспечивая нейтралитет союзников²⁹. Вовлечены в события были помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник А. П. Слижиков, а также надежные слушатели ускоренных курсов академии (полковник Н. Г. Сабельников, капитаны И. А. Бафталовский, А. А. Буров, А. К. Гайко, Е. И. Гриневский, А. Л. Симонов, Г. В. Щепин)³⁰.

Согласно мемуарам капитана И. А. Бафталовского, заговор против правительства Директории начал формироваться в ом-

²⁴ Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 343, 351; A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2. P. 133.

²⁵ Подробнее о Михайлове см.: Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 31–34; и др.

²⁶ Записки Ивана Ивановича Сукина... С. 351.

²⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 44. Л. 20б.

²⁸ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 333.

²⁹ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак... С. 206, 211; Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота... С. 59–63.

³⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 432–433, 459, 461–462.

ском салоне супруги генерала А. Н. Гришина-Алмазова, где собирались правые, включая министра финансов И. А. Михайлова и начальника академии генерала Андогского. Постепенно выработался план переворота: «Детальную разработку этого акта с технической стороны взяли на себя: генерал Андогский, 1-ый генерал-квартирмейстер Ставки полковник Сыромятников и прибывший из Добровольческой армии полковник [Д. А.] Лебедев. К ним присоединились в качестве помощников представители штабов: Сибирской армии — капитан Буров и 2-го Степного Сибирского корпуса капитан И. А. Бафталовский»³¹.

Заговорщиков объединяло неприятие правительства Директории. Капитан И. А. Бафталовский вспоминал: «Естественно, что одна только политическая физиономия „этих господ“ говорила сама за себя и предрекавала на характер и образ их деяний, в которых интересы „своей“ партии (эсеров. — А. Г.) будут доминировать над интересами и благом Родины»³². Генерала В. Г. Болдырева в их кругу считали «розовым», генерала П. П. Иванова-Ринова — интриганом, командира II Степного Сибирского корпуса генерала А. Ф. Матковского — политически скользким, а его начальника штаба полковника Л. Д. Василенко — сторонником социалистов. Находившийся тогда в Омске капитан И. С. Ильин записал в дневнике 28 октября 1918 г.: «Уже начались кругом интриги, интриги Генерального штаба. Михайлов группируется с Андогским и шпиком Буровым; Слижиков, Сыромятников тоже с ними; — Болдырев, Розанов, если его можно считать, — другая группировка, примыкающая к Директории»³³. Все большую популярность в офицерском корпусе обретала идея надпартийной военной диктатуры.

Отметим, что 4 ноября состоялось назначение на пост военного и морского министра вице-адмирала А. В. Колчака. 14 ноября И. С. Ильин записал: «[Вице-]адмирал Колчак поехал на фронт и вернется вероятно 15-го или 16-го. Уехал он в несколько мрачном настроении. Видимо, ход переговоров, все эти интриги, сплетни и пр[очее] претят его честной и прямой натуре.

В ставке сегодня Сыромятников с несколько таинственным видом мне заявил, что „все готово“ и чтобы я смотрел за тем, чтобы Розанов ни о чем не догадался.

— А то вы знаете его, все дело провалит, — добавил он.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 2.

³² Там же. Л. 1.

³³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 341.

Спрашивал про иностранцев — как они. Я сказал, что Нильсону³⁴ я несколько раз уже говорил, и он во всяком случае знает и, кажется, ничего против не имеет, во всяком случае, симпатии его не на стороне Директории.

Сыромятников в свою очередь рассказал, что большое участие принимают в назревавших событиях Михайлов, Андогский, Гришина-Алмазова и наш Буров. Андогский разработал всю техническую сторону.

Самое интересное, что Михайлов, как думает Сыромятников, сам бы хотел захватить власть, но у него хватает всего, кроме решимости и мужества, особенно когда наступает момент, что надо действовать уже открыто»³⁵.

А. Д. Сыромятников в письме И. А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. упомянул известных ему офицеров из числа слушателей академии, вовлеченных в подготовку переворота: «О себе я говорить не буду, но я не могу умолчать о тех своих сотрудниках, которые выполнили главнейшие мои поручения и обеспечили успех переворота в военном отношении <...>

Это были капитаны Симонов, Щепин, Буров, Бафталовский, Гриневиц³⁶ и Гайко. Перечисленные офицеры до переворота были вызваны в Ставку и получили следующие задачи:

Капитану Симонову (бывш[ий] нач[альник] разведывательного отдела Ставки): 1) выяснить состав, силу и настроение гарнизона и характеристику их начальников, соответственно [их отношение к] предстоявшему перевороту; 2) выяснить значение [э]с[е]р[овского] к[омис]са[ра] государ[ственной] охраны [Е. Ф.] Роговского и выработать меры к его обезвреживанию; 3) при посредстве военного контроля в Ставке точно выяснить местопребывания в ночь на 18 ноября [Н. Д.] Авксентьева, [В. М.] Зензинова, [А. А.] Аргунова и Роговского и результаты сообщить [В. И.] Волкову.

Капитан Симонов выполнил эти задачи отлично, причем его успеху содействовал чиновник военного контроля Ставки Ивановский. Последний точно выяснил местопребывания всех подлежащих аресту лиц.

Капитану Щепину (нач[альник] связи Ставки): 1) назначить в поезд г[енерала] Болдырева, отправлявшегося в Уфу, такого офицера, который бы мог по получении от меня шифрованной телеграммы в момент ареста Директории действительно задерживать

³⁴ Подполковник британского Генерального штаба, сотрудник военной миссии генерала А. Нокса.

³⁵ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 345.

³⁶ Правильно — Е. И. Гриневицкий.

все получаемые и отправляемые г[енералом] Болдыревым телеграммы (для этой цели был избран капитаном Щепиным и мною назначен на должность нач[альника] связи при г[енерале] Болдыреве поручик Видовский³⁷, прекрасно справившийся со своей задачей); 2) взять под контроль с момента переворота все главнейшие телеграфные станции фронта и Сибири и выключить провода, соединяющие телефоны г[енерала] Матковского и некоторых других лиц с частями гарнизона и штабами; 3) снабдить [В. И.] Волкова и [И. Н.] Красильникова для перевозки арестованных в сельскохозяйственное училище и установить надзор за всеми автомобилями Омска. Все задачи были выполнены капит[аном] Щепиным в точности с редким умением, энергией и полным самоотвержением.

Капитан Буров, как Вы помните, служил офицером связи между нами и Волковым, Красильниковым и частями гарнизона. Знание им настроения некоторых начальников и частей гарнизона при помощи налаженной им офицерской контрразведки позволило мне принять меры к удалению из Омска неблагонадежных частей гарнизона и в задержании проходящих эшелонов войск, благоприятно настроенных (например, Морской флотилии, следовавшей в Красноярск). Нельзя отрицать, что капитан Буров в значительной степени содействовал успеху переворота.

Капитану Бафталовскому и Гриневскому (оф[ицеры] штаба 2-го Степного корпуса) мною была дана задача: 1) не допустить попытки со стороны соответствующих начальников, членов штаба и частей 2-го Степного корпуса противодействовать аресту Директории и 2) не допускать выхода войск из казарм. На названных офицеров выпала исключительная по трудности задача. После получения сведения о том, что какие-то казачьи части вышли на улицу и арестовали Директорию, начальником штаба названного корпуса, а затем и г[енералом] Матковским были отданы распоряжения некоторым частям корпуса немедленно выступить из казарм для действия оружием против названных казачьих частей. Только разумно принятыми мерами и соответствующим воздействием капитана Бафталовского и Гриневского на полковника Василенко и г[енерала] Матковского через первого им удалось предотвратить кровопролитие на улицах и уже выступившая сербская рота штаба корпуса была возвращена в казармы, а распоряжение прочим частям гарнизона отменено.

Капитану Гайко (оф[ицер] штаба Сибирской армии) было мною приказано с момента ареста Директории взять под контроль все

³⁷ Не имел отношения к академии.

распоряжения штаба Сибирской армии, телеграф и телефон, что и было им образцово выполнено.

Помимо вышеприведенных офицеров большую роль после переворота сыграл в деле укрепления новой власти подполковник³⁸ Сабельников, на должности нач[альника] штаба гарнизона гор. Омска. Названный офицер особенно отличился при подавлении восстания в Омске месяц спустя.

Убежден, что Вы и В. Н. [Пепеляев] согласитесь с тем, что перечисленные лица, как непосредственные исполнители составленного нами плана, сыграли выдающуюся государственную роль в рамках возложенных на них задач. Они проявили изумительную энергию и полное самоотвержение в осуществлении основной идеи составленного нами плана переворота и доказали безграничную преданность Верховному правителю. Казалось бы, что эти лица должны были заслужить какого-то поощрения, какой-то благодарности и во всяком случае быть огражденными от нападок подозрительных и завистливых интриганов. Но получилось обратное. Произошел переворот, посыпались награды, производства. На этом перевороте даже самые ярые противники его составили себе бешеную карьеру. Получили повышение даже те, которые сначала активно выступали против исполнителей задуманного государственного переворота, спасшего погибавшее тогда дело возрождения России.

Что же касается вышеперечисленных наших главных сотрудников, то вместо самой горячей благодарности их постигла следующая участь: капитаны Симонов и Щепин были смещены со своих должностей в Ставке вслед за моим уходом и отправлены: первый в отпуск без права жительство западнее Иркутска, второй — из пределов Сибири. Чиновник Ивановский нашел себе приют у В. Н. Пепеляева; капитан Гринеvский — также куда-то убран; капитан Гайко против своего желания [откомандирован] на Дальний Восток; капитан Буров и подполковник Сабельников также отправлены на фронт, причем последний — без права службы в Омске. Я не хочу в этом никого обвинять, предлагаю Вашему вниманию лишь перечисленные факты.

В заключение своего письма обращаюсь к Вам и В. Н. [Пепеляеву] как к единственным свидетелям, способным удостоверить огромные заслуги вышеперечисленных лиц, с просьбой личным ходатайством перед Верховным правителем оказать им хотя [бы] какое-нибудь внимание в воздаянии за их самоотверженные

³⁸ Правильно — полковник.

поступки, плоды которых черпает возродившаяся армия и оздоровившаяся страна после полубольшевистского засилья бывшей Директории, заразное начало коей было вырвано ноябрьским переворотом при дружном содействии перечисленных лиц, обеспечивших нам значительную долю успеха»³⁹.

Письмо Сыромятникова рисует широкую картину вовлечения слушателей и преподавателей в подготовку переворота. Нити организации, очевидно, тянулись к Андогскому, которому только и могло принадлежать решение участвовать силами академии в подготовке прихода к власти Колчака. В случае провала заговора академию и ее сотрудников ожидали бы тяжелые последствия.

Прежние противоречия внутри академии сыграли свою роль и в этих событиях. Так, бывший профессор академии генерал А. Ф. Матковский, с которым академия находилась в конфронтации⁴⁰, расценивался переворотчиками как «недоговороспособный» и вероятный противник.

После совещаний «переворотной группы» выбор пал на временно командующего 1-й Сибирской казачьей дивизией полковника В. И. Волкова и командира партизанского отряда — войскового старшину И. Н. Красильникова, которые должны были «нанести удар Директории» и подавить сопротивление. Союзники также выступали против Директории, а командир английского батальона в Омске полковник Дж. Уорд согласился оказать силовую поддержку перевороту.

И. А. Бафталовский позднее вспоминал, что «настойчивая, продуманная и энергичная деятельность группы патриотов давала уже свои плоды и успех предстоящего переворота становился все реальнее, осязательнее и нагляднее; в штабы армий и корпусов фронта были командированы заслуженные офицеры с секретными инструкциями: подготовить командный состав к предстоящим омским событиям, которые не должны были ни на минуту остановить или поколебать боевую работу фронта и тыла»⁴¹. По свидетельству Бафталовского, план сводился к тому, чтобы, «пользуясь отсутствием из Омска главнокомандующего генерала Болдырева, который за свою демократичность пользовался симпатиями чехов и мог на них опереться в решительный момент — арестовать Авксентьева, Зензинова и Аргунова и, создав исключительно политически-тяжелую обстановку,

³⁹ Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота... С. 61–62.

⁴⁰ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 213, 236–241.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 3.

поставить остальных членов правительства правого толка в такое положение, при котором они вынуждены были бы по собственному сознанию согласиться на необходимость сосредоточить всю власть, как военную, так и гражданскую, в руках одного лица, способного вывести Сибирь, а за нею и Россию, — на путь победы, славы и единства»⁴². Самого Колчака Бафталовский именовал не иначе, как «витязь Земли Русской», «национальный герой Святой Руси».

К середине ноября 1918 г. приготовления были завершены. К тому же генерал Болдырев уехал на фронт под Уфу. Предоставим слово капитану И. А. Бафталовскому, свидетельство которого в целом соответствует тому, что сообщал Сыромятников в письме Михайлову: «Утром 17 ноября в штаб 2-го Степного Сибирского корпуса прибыл капитан Буров и, вызывая начальника разведывательного отделения капитана Бафталовского, сказал, что его ждут в Ставке по срочному делу; по дороге в Ставку, которая располагалась в здании железнодорожного управления, капитан Буров сообщил подробности этого срочного дела, которое должно было венчать работу группы патриотов и выдвинуть новую национальную власть — спасения Руси.

В Ставке были приняты 1[-ым] ген[ерал]-квар[тирмейстером] полк[овником] Сыромятниковым, который, волнуясь, сказал приблизительно следующее: „Господа, все, к чему мы готовились в течение последнего месяца, должно сегодня ночью совершиться. Помните, что в случае провала нас всех ждет — веревка. Задания остаются старые. Вы, капитан Бафталовский, должны принять все меры к тому, чтобы пресечь в зародыше малейшую попытку генерала Матковского или полковника Василенко к освобождению арестованных. Все телеграммы и приказания 2-му Степному корпусу буду[т] поступать на Ваше имя»⁴³. В 12 часов ночи и к 9 час[ам] утра пришлите непосредственно в Ставку, подписываясь генерал-квартирмейстером, телеграмму с ложными данными о настроениях воинских частей, сильной пропаганде среди рабочих масс, ожидаемых бунтах, вспышках и забастовках. Усиьте все — насколько можно. Необходимая воинская сила будет дана в Ваше распоряжение. Задача Ваша, капитан Буров, аналогичная. Итак, господа, с Богом, за дело“.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 4.

⁴³ Не питая доверия к высшим чинам штаба 2-го Ст[епного] корпуса, от которого во все детали переворота был посвящен только капитан Бафталовский, полк[овник] Сыромятников был вынужден прибегнуть к этой мере, вразрез с воинским уставом (прим. И. А. Бафталовского).

Проходя по помещениям Ставки, капитан Бафталовский встретил несколько своих друзей, из разговора с которыми узнал, что чины Ставки почти целиком примкнули к движению и были в курсе надвигающихся событий ночи.

Сообщили о прибытии с фронта второй пехотной бригады и батареи, каковые с наступлением темноты должны подтянуться к Ставке; о боевой готовности батальона полк[овника] Воорда⁴⁴, готового по первому призыву Ставки ликвидировать контрсопротивление Директории.

Все средства связи было приказано сосредоточить у здания Ставки, включая и автомобиль начальника штаба главнокомандующего — генерала Розанова, коему было воспрещено подавать ночью машину.

Много еще деталей и интересных подробностей было услышано в стенах ж[елезно]д[орожного] управления, но от времени они стусевались, поблекли и изгладились из памяти.

Наступил вечер. Часы занятий в штабе 2-го Ст[епного] корпуса окончились, и чины штаба, ничего не подозревая о событиях ночи, мирно разошлись по своим домам.

В помещении штаба остался один дежурный офицер — есаул Н. А. Михайлов и дежурная смена чинов связи, не считая начальн[ика] штаба полковника Василенко и начальника развед[ывательного] отделения капитана Бафталовского, кои, как исключение, жили в самом штабе.

Оставшись наедине с есаулом Михайловым, капитан Бафталовский приоткрыл последнему карты и потребовал от него прямого определенного ответа по существу затронутого вопроса. Есаул Михайлов с нескрываемой радостью горячо пожал руки своего собеседника и поклялся исполнять все приказания через голову прямого начальства.

Получив соответствующие указания и разъяснения, есаул Михайлов разогнал всю связь, выключил телефоны с кадровыми (запасными) полками и другими тыловыми частями и командами и перегнал автомобили штаба к Ставке.

В 12 часов 50 минут капитан Бафталовский был вызван по телефону из Ставки, и ему было сообщено условно следующее: „Дело сделано“.

Поздравив есаула Михайлова с благополучным началом, капитан Бафталовский написал заданное донесение, которое было немедленно передано в Ставку.

⁴⁴ Здесь и далее правильно — Уорда (Дж. Уорд; англ. — J. Ward).

В начале 3-го часа раздался телефонный звонок, и есаул Михайлов сообщил, что генерал Матковский срочно требует к телефону начальника штаба полков[ника] Василенко.

— „Разбудите и доложите“, — сказал капитан Бафталовский и прошел во второй этаж в комнату оперативного отделения, рядом с которой был кабинет начальника штаба.

В одном белье, накинув офицерскую шинель, полковник Василенко рысью пробежал в свой рабочий кабинет и начал, сильно волнуясь, отвечать генералу Матковскому: „Слушаюсь, слушаюсь, Ваше Превосходительство, будьте покойны, немедленно приму меры...“ Было ясно, что генерал Матковский уже пронюхал об аресте Директории и приказывал принять срочные меры к их освобождению.

Настал момент действовать. Капитан Бафталовский постучал в полуоткрытую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

— „А, это Вы, ну и отлично; надо немедленно...“, — начал было полковник Василенко, но капитан Бафталовский его прервал, сказав: „Г[осподин] полковник. Генерал Матковский Вам сейчас приказал освободить арестованных?! Разрешите доложить, что это ни к чему не приведет, вызовут только лишнее пролитие крови и может в будущем повредить Вашей карьере. Мой добрый совет — не пытаться даже принимать какие-либо бесцельные меры, а идти спокойно и спать. Все совершается по определенному плану, и ничто не может остановить его развития, ибо за нами все и вся. Утром разовьются еще такие события, о которых Вы и не предполагаете“.

Полковник Василенко был огорошен такою речью своего подчиненного; он несколько минут смотрел дикими глазами на капитана Бафталовского, потом встал и нервно сказал: „А учли ли Вы мировое положение? Что скажут союзники?“ — „Все учтено и все взвешено, г[осподин] полковник; батальон полковника Воорда в полной боевой готовности для отражения контрмер сторонников Директории“, — ответил твердо капитан Бафталовский.

— „Ну и молодцы, ловко сделали“, — наконец сказал полк[овник] Василенко и шутиливо потрепав по плечу своего собеседника и, не сказав больше ни слова, удалился в свою комнату»⁴⁵.

О своем участии в перевороте в эмиграции историку С. П. Мельгунову рассказывал и Г. В. Щепин. В пересказе Мельгунова история Щепина выглядит следующим образом. Близкий к Андогскому курсовик находился в непосредственном подчине-

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 4-6.

нии Сыромятникова. Без ведома генерала С. Н. Розанова Щепин 17 ноября занял должность командира особого офицерского отряда, а оставил этот пост 19 ноября. Якобы в поезде Колчака у заговорщиков также находился свой человек. Дальнейшее изложение Щепина о том, что этот человек должен был изменить маршрут поезда, ехавшего в Оренбург (с которым на самом деле белая Сибирь после падения Самары не имела прямого железнодорожного сообщения) и доставить Колчака в Омск представляется неправдоподобным. Однако оно перекликается с изложением Сыромятникова, по свидетельству которого, свой человек Щепиным был помещен не в поезд Колчака, а в поезд Болдырева. Себе же Щепин приписал нейтрализацию генерала Розанова в Ставке и общее руководство событиями, причем, по этой версии, одному из активных участников переворота, полковнику Д. А. Лебедеву, заговорщики якобы не доверяли. Недостоверные составляющие свидетельства Щепина выявил еще Мельгунов, отметивший, что офицер, очевидно, не был посвящен в детали, а должен был контролировать Ставку⁴⁶. Описание Щепина отличается от того, что сообщал Сыромятников, но подтверждает активную роль этого офицера в заговоре. Возможно, пролить свет на ход событий могли бы показания участников переворота, арестованных в СССР в период массовых репрессий. К сожалению, в архивно-следственном деле А. Д. Сыромятникова эти вопросы не затронуты⁴⁷. Не исключено, что соответствующие свидетельства мог оставить в своих показаниях А. А. Буров, однако доступ к его архивно-следственному делу пока получить не удалось.

Колчак вернулся в Омск с фронта накануне решающих событий. По свидетельству И. А. Бафталовского, с вечера 17 ноября началось усиленное патрулирование города казаками. С 23 часов все проезжающие автомобили арестовывались и препровождались в Ставку для выяснения личности седоков. Телефонная связь Ставки с частями гарнизона была прервана. По версии Бафталовского, в 0:30 квартиры членов Директории были оцеплены частями войсковых старшин Красильникова и А. В. Катанаева. По другим свидетельствам, это произошло несколько позже. Через 10 минут членов Директории арестовали, причем Зензинов якобы прятался под кроватью. Оставшиеся министры собрались на квартире генерала С. Н. Розанова. Последний был смущен и сказал, что не уверен, что и его не арестуют, тем более

⁴⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. С. 461–463.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63250.

что его автомобиль заговорщики распорядились генералу не подавать.

Сохранилось описание поведения Андогского утром 18 ноября, оставленное его знакомым: «Как всегда сдержанный и спокойный, он поздоровался и сказал: „Ну, поздравляю! Директория закончила свое существование, с[оциалисты-]р[еволюционеры] арестованы. Сейчас должен собраться Совет министров и решить вопрос о верховной власти, надо думать, предложат Колчаку“»⁴⁸. Наряду с В. Н. Пепеляевым и Д. А. Лебедевым Андогский участвовал в составлении обращения Колчака «К населению России», подготовленного в ночь на 19 ноября⁴⁹.

Полковник Сыромятников, возможно, неофициально участвовал в утреннем заседании членов правительства и представителей командования. Помещение оцепила сербская рота. Отсутствовавший Бафталовский утверждал со слов Сыромятникова, что заседание началось с речи последнего и даже привел ее содержание: «Ночью, неизвестно кем и на основании чьих приказаний, — арестованы и увезены неизвестно куда члены Директории: Авксентьев, Зензинов и Аргунов. Самые энергичные меры и действия Ставки не дали до настоящего момента никаких реальных результатов, и события пережитой ночи остаются крайне загадочными и неясными. Вместе с тем в моих руках имеются веские документы о намерении эсеров захватить власть, о той сильной пропаганде, которая ими ведется в рядах армии. Вы, наверно, в курсе донесений контрразведывательных органов, которые ясно и определенно указывают на сильное брожение в рабочей массе, разжигаемое социалистами-революционерами, в намерении толкнуть их на восстание против Омска. Пропаганда охватывает и тыловые, запасные части, которые в случае восстания обратят свои штыки не против мятежников, а против действующей власти. Вот последние, ночные донесения штабов корпусов и армий; из них Вы увидите, что внутреннее состояние и положение нашей сибирской государственности катастрофично, и выход только один: установить единоличную власть! Помните, что каждая минута дорога. Мы у тупика: или сегодня пробьем брешь и выйдем на чистый простор, под живительные лучи солнца, или покорно пойдем прежней дорогой — в большевизский застенок...»⁵⁰ Участники якобы прониклись сказанным, как

⁴⁸ Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак. С. 212.

⁴⁹ Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 62.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 8.

вдруг, по версии Сыромятникова, изложенной Бафталовским, генерал С.Н. Розанов трижды ударил кулаком по столу, встал и сказал: «Я от имени армии требую, чтобы была военная диктатура». Колебавшиеся притихли. Перешли к обсуждению кандидатур. Розанов якобы высказался за Болдырева. Михайлов предложил голосовать, Матковский под предлогом желудочного заболевания сбежал, так как результат был неясен. Далее закрытой баллотировкой проголосовали за Колчака. Тут же в зал вернулся генерал Матковский и провозгласил: «Да здравствует адмирал Колчак!»

В других источниках факт выступления Сыромятникова не подтверждается⁵¹, а детально исследовавший эти события В.И. Шишкин считает описание Бафталовского и вовсе далеким от действительности⁵². Отметим, что воспоминания Бафталовского были написаны через шесть лет после событий, уже в эмиграции в Тунисе в 1924–1925 гг., что могло негативно сказаться на точности его свидетельств. Как бы то ни было, по итогам переворота именно Сыромятников докладывал Колчаку о том, какие части в нем участвовали, не было ли кровопролития и насилий, где находятся члены Директории и как на переворот отреагировал фронт⁵³.

Дневник капитана И.С. Ильина содержит некоторые дополнительные подробности: «Всего, кажется, не напишешь, так много впечатлений. Самое интересное, что наштаверх Розанов ровно ничего не знал и вчера еще ночью, в момент ареста, он после доброй порции вина благодушно почивал, спросив предварительно по телефону Сыромятникова, все ли благополучно и зачем это вызвали офицерский батальон, который подтянули на вокзал. Чуть не вышло ерунды, между прочим. Батальон подтянул Сыромятников, а командир батальона возьми да и позвони по телефону Розанову:

— Честь имею явиться, по вашему распоряжению батальон прибыл.

⁵¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1. С. 306–309; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918–3 января 1920 г.). Сборник документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 19–23.

⁵² Шишкин В.И. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре... С. 81б; *Он же*. 1918 год: от Директории к военной диктатуре... С. 56.

⁵³ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. С. 82, 89; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 244.

Розанов ничего не понял и стал звонить Сыромятникову, который уверил его, что это все просто недоразумение. На что Розанов благодушно заметил:

— Ну, вы там, одним словом, разберитесь и, в случае чего, взгрейте командира батальона!

Утром это все мне со смехом передал Сыромятников, оставшийся временно за Розанова. В ставке подъем. Я отправился к Розанову и вместе с ним на автомобиле приехал опять в Ставку. Розанов как-то вдруг совсем переменялся, и весь его гонор и вся важность с него слетели; он снова стал таким, каким был, когда я его впервые увидел в Самаре. По дороге в автомобиле он меня спросил, знал ли я что-нибудь о перевороте. Я ответил, что знал все.

— Вам бы следовало по долгу службы меня предупредить и известить, — сказал он с упреком.

— Я, ваше превосходительство, был при адмирале Колчаке все время и фактически находился в командировке, а затем я играл роль скорее связи с различными группировками и давал сведения и информацию о настроении тех или других кругов и иностранцев. Непосредственно же я в перевороте не участвовал, не хотел, конечно, участвовать, хотя всей душой был на его стороне...

Мне было неловко, потому что Розанов все же был, пожалуй, прав, хотя сказать ему, разумеется, было немислимо.

В Ставке застал Пепеляева, который радостен, бодр и весел, говорит, что, вероятно, будет начальником департамента полиции.

Пошли и анекдоты: встретил Андогского, он сказал:

— Ну поздравляю, вы кажется играли не последнюю роль?

— Благодарю вас, г-н полковник!⁵⁴ — ответил я. — Какое замечательное обращение написал адмирал Колчак: как коротко, хорошо и сильно!..

Андогский улыбнулся и, помолчав, сказал:

— Да... обращение писал я.

— Вы?!!

— Да, я составлял его по просьбе адмирала.

Только что я отошел от Андогского, идет штабс-капитан Буров:

— А! Поздравляю, Иосиф Сергеевич, ну как здорово, правда! Уж будьте покойны, там, где Иван Адрианович [Михайлов], дело будет обделано чисто!

— А вы тоже, конечно, принимали участие самое деятельное? — спросил я.

⁵⁴ Правильно — генерал.

- Ну а как же! Читали воззвание Колчака, его обращение?!
- Читал; прекрасно написано, только что говорил об этом с Александром Ивановичем...
- А знаете, ведь я писал его...
- Вы? — искренно удивился я.
- Ну да! Адмирал поручил Михайлову, а Михайлов мне!..

Я пошел по коридору в раздумье. Кругом шумело, как в улье, по лестнице поднимался со своим еврее-цыганским лицом Соловейчик — я постарался было избежать его, но не удалось — он остановил тоже с поздравлениями и тоже дал понять, что он участвовал и что воззвание... писал он! Колчак поручил Михайлову, а Михайлов Соловейчику!!

Одним словом, теперь все участвовали, все писали, все арестовывали: некоторые врут так искренно, что и сами будут месяца через два вполне убеждены, что они и участвовали, и писали, и пр.

Навстречу шел милый Миша Евстратов. Мы остановились, и я отвел душу.

— Да плюнь ты, брат, на эту с-чь! Все врут, как сивые мериньы! — забасил Миша своим густым, низким голосом, размахивая свободной рукой. — Проходу теперь нет, знаешь! Еще вчера сидели по норам и боялись нос показать, когда не знали, как обернется, — теперь все участвовали!!»⁵⁵

Известны и другие свидетельства о видной роли представителей академии в омском перевороте. Главный комендант Ставки полковник К. Я. Гоппер отметил, что утром 19 ноября в Ставке оказались полковники Слижиков и Сыромятников, при том что первый из них находился в отпуске после поездки на фронт. Гоппер сделал из увиденного выводы: «Нахождение в этот ранний час полк[овника] Слижикова здесь в Ставке, совместно с полк[овником] Сыромятниковым, свидетельствовало об участии их обоих в деле переворота, а поездка его на фронт, очевидно, имела задачу подготовить высший командный состав фронта к ожидаемым событиям»⁵⁶. Сыромятников заявил Гопперу, что в городе и в войсках все в порядке и ни о чем не стоит беспокоиться.

Генерал Болдырев также возлагал ответственность на Андогского и работников академии, что видно из его дневника за 18 ноября: «Активная часть омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые

⁵⁵ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 346–348.

⁵⁶ Гоппер К. Я. Четыре катастрофы. С. 101.

Андогским, подготовили почву в самой Ставке...»⁵⁷. Болдырев записал в дневнике 23 ноября: «Фонды „сотрудника“ по перевороту начальника академии Генштаба Андогского то падают, то повышаются»⁵⁸.

В начале 1919 г. контрразведка проводила расследование обстоятельств переворота, выясняя в нем роль Андогского, Сыромятникова, Симонова, Бурова, Михайлова и других⁵⁹. Наконец, сам Колчак на допросе в 1920 г. упомянул Андогского среди офицеров, посещавших его перед переворотом по вопросу о принятии им верховной власти⁶⁰.

Непосредственно в день переворота Колчак попросил генерала Розанова, как сотрудника Болдырева, не принимать некоторое время участия в работе Ставки. Исполнять обязанности начальника штаба и осуществлять доклады временно должен был А. Д. Сыромятников⁶¹. На постоянной основе на должность начальника штаба Ставки претендовал его патрон — генерал Андогский, но вместо назначения оказался под следствием, а высокий пост достался полковнику Д. А. Лебедеву⁶², что имело неоднозначные последствия для судьбы Белого движения на востоке России. Вскоре из Ставки в академию были откомандированы двое других заговорщиков — полковники Слижиков и Сыромятников.

* * *

В антибольшевистских режимах периода Гражданской войны военные закономерно играли важнейшую роль. В обстановке всеобщего хаоса и разрухи формирование офицерских группировок для лоббирования коллективных интересов являлось неизбежным. С этой точки зрения, значительную сплоченность продемонстрировала группа офицеров, связанных с Военной академией. На востоке России осенью 1918 г. выпускники ускоренных курсов академии оказались распределены по различным штабам. Связь с академией многие из них не утратили, а в силу личной преданности начальнику академии генералу А. И. Андогскому и определенной зависимости от него ввиду незавершенности обучения нередко выступали его информаторами об обстановке

⁵⁷ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. С. 110.

⁵⁸ Там же. С. 117.

⁵⁹ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина... С. 359–360.

⁶⁰ Верховный правитель России... С. 79.

⁶¹ Там же. С. 82; Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни... С. 235.

⁶² Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 270–298.

и проводниками его идей в армии. Фактически у начальника академии сформировалась разветвленная агентурная сеть, пронизывавшая всю военно-административную систему антибольшевистских формирований востока России. Именно эти кадры наряду с надежными преподавателями, оказавшимися в омской Ставке, были использованы для организационной подготовки переворота 18 ноября 1918 г., в результате которого адмирал А.В. Колчак стал Верховным правителем России.

Молодые курсовики парализовали работу основных штабов на период переворота. Старшее поколение (генерал Андогский и полковник Сыромятников) взяло на себя функции планирования и координации действий заговорщиков, участвовало в разработке программных документов новой власти. Но, как ни парадоксально, представители академии менее других заговорщиков приобрели от участия в перевороте, а, наоборот, с приходом к власти Колчака, зависевшего от мнения командного состава, стали подвергаться преследованиям.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований в рамках
проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России
1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».